

УБИЙСТВО В ПЕТРОВСКОМ ПАРКЕ

Роман Елиава

Роман Елиава
Убийство в Петровском парке
Серия «Тульский детектив», книга 7

<https://litres.ru/72794716>

SelfPub; 2026

Аннотация

Весной 1893 года, когда Москву лихорадило от покушения на городского главу, в Большом театре состоялся дебют Рахманинова, в обществе появился запрос на борьбу с пьянством. На фоне этих событий, судебный следователь Иван Трегубов получает сразу два сложных дела. Ему необходимо обезвредить серийного убийцу и найти пропавший секретный договор между Россией и Францией. От результата расследования зависит жизнь старинного друга Трегубова и его собственная карьера. Продолжение серии детективов об Иване Трегубове.

Содержание

1	5
2	8
3	19
4	28
5	37
6	48
7	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Роман Елиава

Убийство в

Петровском парке

В 1893 году был заключен франко-русский оборонительный союз, к которому в 1907 году присоединилась Англия. Союз стал называться «Антанта», в противовес «Тройственному союзу» Германии, Австро-Венгрии и Италии. В 1914 году эти две коалиции начали Первую мировую войну.

1

Московская погода в конце марта одна тысяча восемьсот девяносто третьего года ничем не отличалась от мартовской погоды годом ранее. Ничего из ряда вон выходящего для этого, немного более сонного, чем столица, города. Это была та самая пора, когда зима уже начинает сдавать свои позиции, а весна ещё не набрала полную силу. Время, когда по неосторожности можно легко промочить ноги и подхватить неприятную простуду. Время, когда русская зима со сверкающими на солнце снежными ветвями осталась в прошлом, а свежая ярко зелёная листва на деревьях должна была появиться не скоро.

Днем на северо-западе Москвы, где был расположен Петровский замок или, по-другому, Путевой дворец, в котором делали остановку российские самодержцы по пути в Петербург ещё со времен Екатерины второй, прошёл мокрый снег. И, конечно, он не мог улучшить настроения никому из обитателей дач, расположенных вблизи Петровского парка, появившегося рядом с замком во времена Николая первого. Серый пасмурный день сменили сумерки, быстро переходящие в ночную тьму. Они скрыли и неприглядную наготу деревьев парка, и повсеместные лужи, которые к утру превратятся в лёд, чтобы попытаться подловить и уронить в подтаивший снег незадачливого путника.

Девушка в черном пальто, едва видимая на фоне опускающейся на город ночи, не заметила в темноте, что поверхность дорожки сливается в единое целое с поверхностью воды в большой луже, раскинувшейся на её пути. Левая нога внезапно оступилась, и в короткий сапожок быстро затекла холодная вода. Девушка вскрикнула от неожиданности и неприятного чувства. Она уже пожалела, что решила срезать путь. Фонари были далеко, и их свет не мог ей помочь хорошо рассмотреть дорожку. Девушка вздохнула, – не возвращаться же назад, – и, более осторожно переступая ногами, отправилась дальше. В руках она держала сумочку, произвольно сильно сжимая ее пальцами. Ещё бы: её первые заработанные деньги на новой работе! Не бог весть что – библиотекарям много не платят. Но теперь она сможет больше помогать матери с воспитанием младшей сестрёнки. Девушка улыбнулась и двинулась дальше, забыв о хлюпающей в обуви воде. Сзади послышался всплеск, будто кто-то оступился в ту же самую лужу, что и немногим ранее она. Девушка обернулась, нервно прижав к себе свою сумочку, но никого не увидела. Постояв несколько секунд, она пошла дальше, подумав, что ей это показалось. Да и кто мог гулять в парке в будний день в такое время и в такую погоду? Жаль, что она припозднилась. Но нужно идти осторожнее и внимательнее смотреть под ноги.

Это занятие ненадолго отвлекло её, пока девушке не послышался новый звук. Шаги? Она снова резко повернулась

и замерла. Прислушалась, широко раскрыв глаза на темноту парка. Ничего и никого, вокруг тишина. Только вдали был виден тусклый свет фонарей, слегка разгоняющий вечернюю мглу. Опять показалось? Она повернулась и медленно пошла дальше, уже не смотря под ноги. Девушка в чёрном пальто пыталась уловить любой необычный звук, но слышала только стук своего испуганного сердца.

И вдруг где-то рядом послышались отчетливые шаги, шаги по мокрому снегу. Их ни с чем не спутаешь! Сердце забилося ещё быстрее. Вдали, со стороны фонарей, послышались приглушенные расстоянием голоса. Решение созрело мгновенно: она развернулась, сошла с дорожки и прямо по сдувшимся мартовским сугробам двинулась в сторону света и голосов. В сапоги моментально набился мокрый снег. Девушка набралась смелости и обернулась: кажется, никого. Вот дура то! Чего так перепугалась? Она сбавила темп и облегченно вздохнула. Внезапно на её плечо опустилась рука. Девушка вздрогнула от неожиданности и открыла рот. Вторая рука, появившаяся сзади, тут же крепко зажала его. Она смотрела на фигурки людей под фонарями, но не могла пошевелиться. Паралич страха обездвижил её тело.

Молодой человек с блеклыми, практически бесцветными, глазами за круглыми стеклами очков неторопливо пригладил редкие русые волосы, однако голова от этого болеть меньше не стала. Илья Петрович Павлов сидел за деревянным столом питейного заведения, коих вокруг Моховой улицы располагалось в те времена немало. Главной причиной была близость Московского императорского университета. Большинство студентов в те дни, как, впрочем, и ныне, имели ограниченные средства и питались в специальных столовых по месячному абонементу. Суп, второе блюдо с мясом, квас и немного хлеба – за десять или пятнадцать рублей в месяц. Однако, как и во все времена, студенческое братство было не прочь посидеть вечером за разговором об учёбе или политике, пропустить некоторое количество кружек или стаканчиков, кому что более по нраву. Тем паче, что в студенческих столовых были запрещены политические беседы и иные выражения крамолы. Илья Петрович был одет неброско, опрятно и производил впечатление старательного студента. При этом стоит отметить, что сегодня он выглядел грустным и потерянным, а на его лице время от времени появлялась мимолетная гримаса боли. Любой человек, присутствовавший в трактире или только пришедший в него, не обратил бы никакого внимания на Илью Петровича, настоль-

ко тот был похож на расхожее в быту представление о студентах. И хотя Павлов и имел в прошлом некое отношение к студенчеству, в нынешней момент он представлял совершенно другое сообщество, а именно – сыскную полицию города. Илья Петрович был новоиспеченным агентом и получил текущее задание именно в силу своей неопытности и, конечно, внешнего облика, о чём уже было упомянуто. Задание Ильи Петровича на первый взгляд не казалось сложным, однако оно ему совсем не нравилось. Когда его наставник, агент Блохин, в обиходе между агентами сыска «Блоха», объяснил, что требуется от молодого сотрудника, Илья Петрович совсем приуныл. Но будучи от природы человеком сообразительным, хотя и не замеченным в упорстве достижения целей, господин Павлов не подал вида и отправился исполнять столь неприятное для него поручение начальства.

Что же было так противно душе молодого человека? Разумно было бы предположить, что он должен втереться в среду студентов, тайно слушать их беседы, а после строчить в полицию отчёты и доносы. Отнюдь нет. Безусловно, мы знаем, что полиция в любые времена прибегает к подобным методам, но не в нашем случае. Господин агент сыскной полиции Павлов Илья Петрович должен был выяснить, какие заведения процветают за счёт продажи нелегальных спиртных напитков собственного приготовления. Ну а где же это явление могло иметь заметные масштабы, как не в заведениях, часто посещаемых бедными студентами? Вот и на-

правили молодого агента на Моховую улицу помогать государству, церкви и попечительским советам бороться с пьянством, компания по ликвидации которого в те дни приняла доселе невиданный размах. Хотя, будем всё же честны: никто не сбрасывал со счетов попутную проблему – проблему ухода от налогообложения производителями нелегального алкоголя. Однако, вернемся к нашему персонажу. Казалось бы, не такое уж и неприятное задание в сравнении с другими, особенно при наличии казённых средств и свободного времени. Но не для господина Павлова, организм которого плохо переносил пиво, вино, медовуху и другие более крепкие напитки. Вот и сейчас он снова поморщился, раздумывая над тем, что, очевидно, за такое задание никто не хотел браться, и своего рода козлом отпущения был выбран самый молодой агент. Что ж, это было недалеко от истины. Как уже упомянуто, Илья был достаточно прозорливым молодым человеком.

– Илюша, ты как? Что-то на тебе лица нет, – напротив Павлова плюхнулся на скамью полноватый молодой человек со скудной растительностью под подбородком и при небольших усиках под длинным носом.

Волосы пришедшего были в полном беспорядке, поскольку он только что снял шапку, а карие глаза внимательно и с некоторым беспокойством смотрели на Павлова. Илья Петрович силился вспомнить, как зовут этого студента, но вместо имени в голову приходила только боль. Он помнил, что

они вчера вместе с ним пили, но не мог вспомнить как же его зовут. Начал он ещё днем с Александром, своим знакомым студентом-медиком, который, подвыпив, рассказывал анекдоты про царевича Николая первому встречному и поперечному. Во втором или третьем трактире, где их компания подросла до пяти или шести человек, Александр сменил амплуа и перешел на романтические стихи собственного сочинения, и, как тогда отметил подвыпивший Илья, достаточно неплохие на его вкус. Потом они закупились в лавке навynos, которых в городе становилось всё меньше по причине уже упомянутой нами борьбы с пьянством. После этого молодые люди поехали к кому-то из них домой, на съемную квартиру на Арбате. Эту часть вчерашнего дня Илья помнил уже смутно, урывками. Александр прекратил декламировать стихи и разрыдался из-за неразделенной любви. Он заявил, что хотел бы покончить жизнь самоубийством и благородные господа вокруг не должны ему мешать. Александр сорвал со стены декоративную саблю и тут же попытался ею заколоться. Безуспешно. Саблю отняли, а рыдающего горе-самоубийцу привязали к креслу, от греха подальше. В этот момент Илья решил, что настало время для побега. Он надел пальто и быстро нахлобучил шапку, затем, отрывисто бросив остальным, что нужно сходить подкупить вина, выскочил за дверь и был таков. Но, выйдя из подъезда, Илья допустил оплошность. Он сладостно вдохнул свежий весенний воздух и расслабился. Как выяснилось, расслабляться было рано: собутельни-

ки Павлова быстро его догнали уже возле следующего дома. Кто-то, наименее пьяный среди оставшейся компании, вспомнил, что они заранее купили всё, что нужно, а другой сердобольный участник кутежа заметил, что времени прошло мало, они могут успеть догнать Илью и напомнить, что вина ещё много. В результате Павлов ушёл из квартиры только под утро, когда все спали. Естественно, там, кто где упал. Поначалу Илья погулял по городу, чтобы проветрить голову, но потом вспомнил, что службу никто не отменял, и понуро зашел в один из трактиров. И вот напротив сидит ночной собутыльник, имя которого никак не пролезает из почти отмершего мозга на язык.

– Плохо мне, много выпили вчера, – выдавил из себя Илья.

– Ты прав, ты прав, – сочувственно поддержал его собеседник. – Тебе бы пивка сейчас. Давай я закажу?

– Не стоит, – испуганно и быстро отказался Павлов.

– Да, что ты, голубчик, сразу отпустит! Вот увидишь, – настаивал его давешний приятель.

Илья сопротивлялся пару минут, но оказался не в состоянии выдержать долговременную осаду. Через пять минут перед приятелями стояли две кружки.

– Знаешь, – сказал неизвестный, прихлебывая, – а Виктор сейчас при деньгах. Ты помнишь, что он вчера нас всех пригласил в ресторан «Эрмитаж»? Нельзя пропустить такое! Кухня Люсьена Оливье, представляешь? Говорят, там такие

салаты подают... Когда ещё попадешь в такое место, скажи на милость?

– Угу, – пробубнил Илья, которому от пива стало только хуже, и он ни в какой ресторан идти не хотел, наоборот, давал себе внутренний зарок, что после этого задания, будь оно неладно, ноги его не будет в ресторанах. Скорей бы всё закончилось.

Как ни удивительно, но его внутренняя мольба была услышана. Дверь открылась, и на пороге показался сам Блоха – рыжий плотный мужичок около сорока лет, с хитроватым прищуром серых глаз.

– Илья Петрович, вот Вы где! А я Вас тут обыскался, – сказал его наставник, метнув подозрительный взгляд на собеседника Павлова. – Вашей матушке стало плохо, просит Вас срочно приехать.

– Господи, надеюсь ничего серьезного? – участливо схватился руками за грудь безымянный студент.

– Надеюсь, тоже, – ответил Илья, вставая и отсчитывая монеты. – Прости, хм... друг, нужно идти.

– Ну и видок у тебя! – заметил Блоха на улице, когда два агента вышли из трактира.

– Какое задание, такой и видок, – буркнул молодой агент.

– Пора тебе заканчивать с этой ерундой, едем на настоящее дело.

– То есть, всё? – обрадованно спросил Илья.

– С трактирами – всё, – строго посмотрел на Павлова Бло-

хин. – Вижу, не на пользу тебе это.

– А что случилось? – спросил Илья, с трудом сдерживая радость в голосе.

– Убийство. Никого не было под рукой, а нужно будет опрашивать свидетелей, вот и вспомнил про тебя, тем более, по дороге было, – сказал Блоха, несколько опуская торжествующего Павлова на землю.

Блохин взял живейного извозчика с экипажем на двух человек. В дороге от тряски Павлова стало мутить, хорошо, что ехать оказалось недалеко. Когда показались красные кирпичные стены, стрельчатые окна и башенки в восточном стиле Петровского замка, Илья Петрович подумал, что его пытка скоро закончится. Он невольно залюбовался замком, построенным Матвеем Казаковым в восемнадцатом веке в честь победы над Турцией и восстановленном уже в начале девятнадцатого века архитектором Таманским. Восстановленном после того, как в замке, во время московского пожара, несколько дней провёл Наполеон Бонапарт.

Извозчик остановил лошадь, Блохин отсчитал полтора рубля, расплатился, после чего агенты пошли в сторону группы людей, стоявшей поодаль от дороги по колено в снегу. На самой дороге дежурил городской и просил зевак не задерживаться. Он грозно нахмурился, когда Блохин вместо того, чтобы проследовать дальше, как ему было велено, полез по снегу к месту преступления. Но агент, не говоря ни слова, сунул прямо под нос полицейского свой мандат, и го-

родовой молча отвернулся. Павлов полез в снег за своим наставником, стараясь ступать след в след, также как и Блохин, который ставил ноги в ямы, проделанные предшественником. На месте преступления не хватало только агентов. Внимание Павлова привлек активный полный человечек с фотоаппаратом, – он первый раз видел, как фотографируют место преступления. С первого взгляда похоже было, что это банальная поножовщина. Полицейский-медик или фельдшер загораживал тело, он нагнулся над ним и что-то диктовал писарю. Рядом стоял ещё один городской. Заслышав агентов, медик выпрямился и обернулся.

– Доброе утро, Блоха, – сказал он и сделал шаг в сторону.

– Что же тут доброго? – Блохин остановился и посмотрел вниз.

Павлов тоже увидел тело жертвы. Всё было в крови, даже снег вокруг. Тело сильно изрезано. На Илью смотрели застывшие голубые глаза молодой девушки. Внезапно его желудок, который он уговаривал успокоиться во время поездки на извозчике, подвёл его. Сжался, а затем выплеснул из себя недавно выпитое пиво, согнув молодого агента сыска пополам. Когда Павлов выпрямился, то обнаружил, что все смотрят на него холодно и осуждающе. Но высказался только Блохин.

– От тебя такого не ожидал, – коротко высказался он.

– Это из-за предыдущего задания, – начал оправдываться Павлов, но на него уже никто не обращал внимания.

– Изнасилование или ограбление? – спросил старший агент.

– Не знаю, – задумчиво ответил медик. – На насилие не похоже, нижнее бельё на месте, но точнее скажу после вскрытия. Было ли у нее с собой что-то, пока неизвестно. Но что могу сказать точно, нормальный человек так не поступает. Зачем?

– Чем он её так?

– Раны похожи на скальпель. Я почти уверен, что это скальпель или нечто очень похожее на него.

– Убийца – доктор? – спросил Блохин.

– Не знаю.

– Когда?

– Не уверен, но, думаю, ночью или вечером, – ответил медик. – Холодно, сложно что-то сейчас сказать. Но если бы было ещё светло, кто-нибудь её заметил раньше.

– Согласен, – кивнул Блохин.

– Может это из ревности, месть? – предположил вслух Павлов, который снова стал оживать. – Люди в таких случаях сатанеют и на многое способны.

Все дружно обернулись на молодого человека, снова заставив его почувствовать неловкость. На этот раз никто ничего не сказал, даже Блохин.

– Я такое уже фотографировал где-то, – внезапно заявил фотограф, прекратив съемку.

Старший агент вопросительно посмотрел на него.

– Не вспомню сейчас, где это было, но тоже была девушка вся... – фотограф ещё раз посмотрел на труп, подбирая слово, но так и не подобрал.

– Проверим в архивах, – ответил ему Блоха. – Если это не в первый раз, назначат нам кого-то по особо важным.

– Так и будет, – кивнул медик.

– Когда будет отчёт? – спросил Блохин.

– После вскрытия, а когда вскрытие – не знаю. И не спрашивай. В морге несколько старых тел. Не успеваю всё один делать.

– Давно пора помощника попросить.

Медик в ответ только закатил глаза, показывая, насколько банальную мысль высказал агент. Блохин повернулся к Павлову.

– Пошли.

– Куда? – не понял Илья Петрович.

– Узнаем, кто она. Очевидно, что шла либо с дач, либо наоборот, туда. Если туда, возможно, её уже ищут.

– Потому что не пришла ночевать?

– Да, – ответил Блохин и полез по снегу обратно, осторожно переноса ноги в старые отверстия в снегу. Не успев пройти и трех шагов, он внезапно поскользнулся и неловко присел на опорную ногу.

– О, чёрт! – раздался вопль боли.

Павлов поспешил вперед и подхватил со спины наставника под плечи, помогая тому встать.

– Оу! – только и ахнул Блохин, когда попытался опереться на обе ноги.

Он тут же завалился на бок, прямо в снег. Мимо Павлова протиснулся медик.

– Отойдите, – сказал он Илье и наклонился над Блохиным.

Тот уже сидел в сугробе, потирая ногу. Медик молча стянул сапог с ноги и начал её ощупывать. В какой-то момент Блохин застонал от боли.

– Перелом, – уверенно заявил медик. – Придётся тебя взять вместе с трупом. Извини, но у нас только один экипаж.

– Угораздило же, – сквозь зубы пробормотал Блохин.

Он повел головой и увидел праздно стоявшего Павлова.

– Илья Петрович, что же Вы стоите? У Вас теперь в два раза больше работы.

Подтянутый молодой человек, на вид около тридцати лет, в элегантном темно-сером пальто быстрым шагом приближался к зданию Московской Городской Думы. Он внимательно смотрел под ноги, чтобы не поскользнуться на подтаявшем льду. Дворники работали не покладая рук. После вчерашнего снегопада и теплой погоды ночью подморозило, и нужно было быть осторожным. Его лицо с небольшими острыми усиками выражало одновременно недовольство и озабоченность. С одной стороны, происшествие было неординарное, – ранен всеми уважаемый городской голова Алексей Николай Александрович, и можно было представить, какой переполох это вызвало во всех ветвях власти. С другой стороны, он не понимал, зачем его тоже направили в Думу. Наверное, из-за частой в подобных происшествиях бюрократической неразберихи. У него была запланирована встреча с заводчиками известной марки водки, миллионщиками Шустовыми. Вряд ли они обрадуются тому, что он не пришел. Однако, сложно иметь более уважительную причину.

– Иван Иванович! Трегубов!

Молодой человек поднял взгляд. Около нового здания Думы, недавно построенном как раз по инициативе Алексеева рядом с историческим музеем, и именно поэтому в стиле исторического музея, стояло множество экипажей и сновало

непривычно большое количество людей. В одном из открытых экипажей он заметил своего давнего знакомого из сыскной полиции Власова Николая Васильевича.

– Иван Иванович, давайте ко мне, – пригласил он Трегубова в экипаж.

– Но меня вызвали в Думу из-за... гм, происшествия с Николаем Александровичем.

– Боюсь, Вам там места не хватит – столько нынче людей приехало, – усмехнулся в густые усы Власов и поправил выбившийся из-под шапки кудрявый локон. – Тем более, следователя уже назначили.

– Назначили? – забеспокоился Иван Иванович.

– Не бойтесь, это не Вы! – словно прочитал мысли Трегубова Власов. – Акимов назначил Тимофея Тимофеевича Глушановского.

Между тем Трегубов и не предполагал, что назначат его. Слишком много было в Москве более известных и, скажем честно, более опытных следователей, например, тот же Глушановский, проводивший в своё время допрос Веры Засулич после её покушения на Трепова, а также участвовавший в расследовании убийства Александра Второго. Трегубов с облегчением выдохнул, – раз прокурор судебной палаты уже назначил следователя, значит, ему здесь делать больше нечего. Но интересно, что же происходит? «Это не займет много времени», – подумал Иван Иванович и полез в экипаж к Власову. Тот подобрал полы своей шубы и подвинулся.

– Опять террористы? – спросил он Николая Васильевича.

– А вот и нет! – возразил тот. – Говорят, душевно больной это. Это ж, понимаете, что выходит за совпадения? Николай Александрович построил больницу для душевно больных, и они же в него стреляют. Что за люди такие? Построил Думу, и там его сейчас оперируют. Сам Склифосовский, кстати. Жизнь полна сюрпризов, не находите? Ах, смотрите, обер-полицмейстер пожаловали, собственной персоной. Наше-то начальство уже давно там, и губернатор недавно подъехали. И кого только нет!

– Если не террорист, уже проще будет Тимофею Тимофеевичу, хотя ему не привыкать, – заметил судебный следователь Трегубов. – Жаль Николая Александровича. Надеюсь, выкарабкается.

– Да, мы все надеемся. Молимся за него. Удивительный человек! Москва без него осиротеет, – вздохнул Власов. – Но Склифосовский считается отличным хирургом. Вы слышали про его метод антисептического лечения ран?

– Да, что-то такое припоминаю, – подтвердил Трегубов, наблюдая, как к Думе подъехал ещё и прокурор окружного суда Домерщиков. «При таком стечении видных личностей, могу предположить, что моя скромная персона в этом деле не понадобится, и я смогу заняться своими делами».

– В такой суматохе поди и забыли про Вас.

– Вот и хорошо! До свидания, Николай Васильевич, – Трегубов вылез из экипажа. – Рад был Вас увидеть в добром

здравии.

Главная контора предприятия «Шустов и сыновья» располагалась недалеко от городской Думы, на Большой Садовой, поэтому судебный следователь решил прогуляться пешком. Всё равно он уже опоздал. Молодой человек никак не мог поверить, что городской голова Николай Алексеевич мог умереть. Он несколько раз встречался с ним и сейчас признавался себе, что никогда не видел человека со столь явно выраженной жизненной энергией: постоянно в движении, постоянно в делах и кипучей деятельности. В Москве начали строить водопровод и канализацию, открывались новые больницы. Трегубов мысленно пожелал удачи Николаю Алексеевичу. Склифосовский – это хорошо, но удача никогда не бывает лишней.

Николай Леонтьевич Шустов был сыном вольноотпущенного крестьянина из Рязанской губернии, который стал затем купцом. В шестидесятые годы Шустовы решили заняться производством водки, и на текущий момент дела шли настолько хорошо, что Николай Леонтьевич подал запрос на строительство нового производственного здания, чтобы расширить своё предприятие. Но Трегубов встречался сегодня не с ним, а со старшим сыном Шустова, тоже Николаем, ибо Николай Леонтьевич, в силу своего возраста, стал плох здоровьем. Дела постепенно переходили его сыновьям.

Николай Николаевич встретил судебного следователя вежливо, но было видно, что он недоволен опозданием.

Старшего из сыновей Шустова никак нельзя было заподозрить в крестьянском происхождении. – Правильные черты лица, на котором выделялся слегка крупный нос, ухоженная бородка и большие острые усы, торчащие в стороны от его узкого подбородка. Хотя Шустов был ещё достаточно молод, у него уже появились небольшие залысины, что, впрочем, совсем не портило общего приятного впечатления. Даже наоборот, придавало налёт мудрости, который усугублялся пристальным и проницательным взглядом.

– Чем могу быть Вам полезен? – спросил Николай Шустов-младший, приглашая Трегубова присесть.

– Прежде всего, Николай Николаевич, хотел бы извиниться за опоздание, но в связи с печальным происшествием в судебных и полицейских властях возник переполох и...

– Что за печальное происшествие? – живо отреагировал Шустов.

– Вы разве ещё не знаете? – удивился Трегубов. – Вся Москва бурлит, – стреляли в городского голову.

– В Николая Александровича?!

– Да.

– Быть того не может! – взволновано вскричал Николай Шустов. – Кто же посмел? Он убит? Опять революционный террор?

– Слава богу, только ранен. Сейчас его оперирует очень хороший хирург, как говорят, Склифосовский.

– Да, знаю его. Так что случилось? Не томите, рассказы-

вайте, прошу Вас.

– Мне известно немного, – ответил судебный следователь, поерзав на красивом, но неудобном стуле. – только, что стрелял душевно больной из больницы, которую открыл Николай Александрович.

– М-да, вот она – расплата за добрые дела, – сказал Шустов и замолчал, задумавшись.

Трегубов молча ждал, пока хозяин переварит информацию, не нарушая его дум. Новость, действительно, была важной. Если Алексеев не выживет, это происшествие прямо или косвенно повлияет на всех обитателей этого города. Наконец Шустов снова посмотрел на своего гостя.

– Так зачем Вы хотели меня видеть, Иван Иванович?

– Дело очень деликатное, Николай Николаевич, – начал Трегубов, обдумывая с чего бы ему лучше начать.

– Что такое? – нахмурился Шустов.

– Вы же знаете, какая сейчас обстановка. К алкоголю пристальное внимание и приходских кружков и земских властей. В министерстве внутренних дел внимательно следят за происходящим. Поговаривают о создании общества трезвости, – Трегубов замолчал, обдумывая продолжение.

Шустов воспринял паузу как предложение высказаться.

– Конечно же, я в курсе! Наше предприятие растёт, но только за счёт доли конкурентов. Мы уже думаем начать производство ликёров и другой продукции, чтобы быть готовыми к изменениям, которые происходят в обществе. Но, соб-

ственно, всё это какое отношение имеет к вашему визиту?

– На продукцию «Шустов и сыновья», я имею в виду водку, поступила коллективная жалоба от нескольких владельцев питейных заведений.

– Что ещё за жалоба?

– Относительно качества вашей водки.

Шустов недовольно вскочил и зашагал по комнате, не отводя взгляд от Трегубова.

– Что ещё за жалобы? Наша водка – лучшая в Москве. Это что, происки конкурентов? Кто такое говорит? Кто эти люди?

– Послушайте, Николай Николаевич! Не важно, кто эти люди, но они говорят, что посетители, требующие вашу водку, ведут себя крайне агрессивно. Устраивают дебоши, драки, причиняют ущерб репутации и имуществу заведений.

После этих слов Трегубова Шустов неожиданно успокоился и снова уселся, разглядывая судебного пристава. На его устах промелькнула кривая улыбка.

– Я сказал что-то смешное? – растерялся Трегубов.

– Нет. Я вас хорошо понял, господин следователь. Но от меня-то Вы что хотите?

– Как что? Разве Вас это не беспокоит? Что, если страдает здоровье людей? Я уже не говорю про правопорядок и имущество жалобщиков.

– Поверьте, Иван Иванович, качество нашей водки здесь ни при чём, она пройдёт любую экспертизу. Даю слово.

– Но жалоба...

– Что жалоба! Знаете, сколько недовольных в этом мире, желающих что-то получить от богатых и успешных людей?

– Послушайте, Николай Николаевич, я пришёл, чтобы поговорить с Вами искренне и неофициально, надеюсь, что Вы, может быть, сообразоволяете разобраться в проблеме и, возможно, компенсировать убытки...

– Проблемы не существует, – строго отрезал Шустов. – А если они хотят судиться, милости просим, посмотрим, что они смогут. У нас лучшие адвокаты в городе.

– Что же, – сказал, поднимаясь с места, Трегубов. – Я сделал всё, чтобы избежать суда. Позвольте откланяться.

– Было приятно с Вами побеседовать, господин следователь, – сухо сказал Шустов, провожая своего гостя.

Трегубов возвращался домой, размышляя, о том, как часто люди идут на конфликт, имея возможность всё обговорить и решить полюбовно. Что ими движет? Гордыня или близорукость? Шустова нельзя назвать близоруким: видно было, что он образован, умен и рационален. Иначе на его месте и нельзя. Тогда зачем ему доводить жалобу до суда, чтобы пострадал престиж его марки? И почему он так быстро успокоился, когда услышал суть претензий? Что-то Иван упустил в разговоре, и его благой план разрешить вопрос в досудебном порядке провалился.

Трегубов уже подходил к дому, когда направление его мыслей стало меняться. Думы о домашних делах стали тес-

нить думы о службе. Недавно Ивану пришлось переехать в принадлежащий ему доходный дом, в квартиру, которую занимала раньше его младшая сестра Софья. Сейчас её семья переехала в столицу, поскольку муж сестры, инженер по профессии, был переведён на службу в Петербург. Трегубову очень не хватало Софьи, которая раньше вела все хозяйственные дела по дому, сдавала квартиры в аренду, пока он был поглощен своей службой. Ивану давно нужно было найти кого-нибудь в помощь, чтобы снять с себя эти заботы. Но постоянно не было времени этим заняться. Он решил, что непременно начнёт искать кого-то в ближайшее время, тем более, что дел сейчас стало поменьше, чем зимой, и этим нужно было воспользоваться.

Поглощенный бытовыми размышлениями Трегубов не заметил двух мужчин в темной и неброской одежде, беседующих на противоположной от его дома стороне улицы. Когда Иван приблизился, они прекратили свою беседу, оглядели улицу и перешли дорогу.

– Иван Иванович Трегубов?

– Да, – обернулся удивленный Иван, разглядывая приближающихся мужчин.

– Вы арестованы!

Трегубов с недоумением посмотрел на них. От соседнего дома отъехал стоявший там экипаж и направился в их сторону.

Павлов сидел на краешке стула у деревянного стола и старался не смотреть на голосившую и рыдающую женщину. Он переводил взгляд с печки на молча сидевшую напротив него девочку лет двенадцати и обратно на печку. Молодой агент был совсем растерян и не знал, что делать. Сейчас ему хотелось провалиться сквозь деревянный пол. Глаза девочки были вытаращены, а тонкие косички торчали в разные стороны. Она не плакала, как её мать: наверное, ещё не осознала происшедшего. Павлов набрался смелости и бросил взгляд на седую женщину в слегка помятом сером платье с кружевным воротником. Он чувствовал себя виновником этой трагедии. Слезы матери текли непрерывным ручьем, руками она вцепилась в свои колени и выла что-то, бормоча себе под нос. Что-то неразборчивое. Что делать в такой ситуации? Может, Блохин подошёл бы к известию как-то мягче. Опыт важен в таких деликатных делах. А он сразу сходу так и сказал, что, мол, нашли в парке труп молодой девушки. Выглядит жертва так-то. Женщина всё поняла и бессильно опустилась на стул. Илья посмотрел вниз, чтобы не видеть эту душераздирающую сцену. От его сапог натекла вода. Снег, прилипший на подошвы, растаял, было жарко. Печку топили всю ночь. Ждали. Но не дождались. Агент вздохнул, оставалось только ждать, когда безутешная мать успокоится. Наконец вой пе-

решил в редкие всхлипы, а затем и вовсе затих.

– Извините, как зовут... извините, звали Вашу дочь? – решился на вопрос Павлов.

– А может это не она? – неожиданно спросила женщина. – Скажите ещё раз, как она была одета?

Агент вздохнул и ещё раз повторил описание жертвы. По мере его рассказа, глаза матери тухли, а подбородок опускался.

– Но, конечно, точно станет известно, только когда Вы приедете в морг. Тело уже увезли, извините.

– Вера, – вдруг сказала женщина.

– Что, простите, не понял?

– Вера Александровна Погребова.

Павлов разложил на столе письменные принадлежности, которые привез с собой сломавший ногу Блохин.

– Откуда она ехала? – спросил он.

– С работы.

– Извините, простите, э... не знаю Вашего имени-отчества...

– Анастасия Павловна, – безучастно ответила женщина.

– Анастасия Павловна, кем работала Ваша дочь и где?

– В читальне, тургеневской, что Морозовы построили.

– Это та, что в конце Сретенского бульвара? – переспросил агент, записывая.

– Да, у Мясницких ворот, – кивнула Анастасия Павловна.

– Давно она там работала?

– Нет, вчера должны были первый раз зарплату дать.

– То есть, это могло быть ограбление, – рассудил вслух Павлов.

Женщина снова заплакала. Илья мысленно проклял себя за неосторожные слова.

– Какое ограбление? Неужто душегуб польстился на эти копейки? – сквозь слёзы пробормотала мать.

– Мы пока не знаем, – Павлов попытался придать себе одновременно официальный и участливый вид, что, впрочем, у него получилось очень плохо.

– А вот скажите, Анастасия Павловна, Вера Александровна всегда так поздно возвращалась?

– Как поздно?

– Затемно.

– Так ведь не лето ещё, темнеет быстро.

– Ну да, ну да, – быстро согласился агент.

– Скажите, пожалуйста, Вера Александровна незамужняя?

– Нет.

– А был ли у неё жених или ухажер какой?

– Нет. Какой ухажер ещё? Она – девушка приличная, – женщина всхлипнула.

– А как у вас с соседями? – быстро сменил тему Павлов, чтобы не дать матери снова разрыдаться. – Не было ли каких конфузов?

– Каких ещё конфузов? – не поняла хозяйка.

– Может, обиделся кто, поругались или что-то такое...

– Обиделся так, чтобы дитя моё жизни лишить?! – возмущалась Анастасия Павловна. – Соседи наши – порядочные люди, господин полицейский!

– Я верю Вам, но... – быстро ответил агент, случайно посмотрев на девочку, и запнулся. Та так и сидела с вытаращенными глазами. «Наверное, в шоке», – подумал Павлов. Он пытался понять, что бы ещё такого нужного по делу спросить, понимая, что Блохин потребует от него полного отчёта, и если он что пропустит, то спуска не даст. Однако ввиду своей малой опытности никакие умные вопросы в голову Ильи в данный момент не приходили. Он сам себе честно признался, что не готов ещё к такой самостоятельной работе.

– А подруги у неё близкие? Есть кто? – нашелся Павлов.

– Подруги? Мы недавно переехали, кроме Лизы сейчас и нет.

– Лиза? Кто такая Лиза? – встрепнулся агент.

– Елизавета Молчанова, дочка мясника.

– Мясника?

– Да, соседи наши: Григорий, отец Лизы, лавку мясную держит. Они с Лизой сдружились, Лиза-то грамоте не была обучена, так Вера...

Анастасия Павловна не договорила, видно что-то вспомнила, из глаз её полились слёзы, а взгляд стал блуждать по комнате. Агент решил, что больше он тут ничего не узнает, а находиться рядом с горящей матерью ему было крайне

неловко. Поэтому он быстро встал и начал прощаться.

– А когда я смогу увидеть? – застал Павлова на пороге вопрос.

– Увидеть?

– Дочку мою несчастную, – всхлипнула мать.

– Э... – Илья вспомнил слова фельдшера и ответил, – Не могу знать пока. Извините, как узнаю, непременно Вас известим.

Он развернулся и, не оглядываясь, выскочил, чтобы не видеть, как у женщины снова потекли слёзы.

Лиза оказалась молодой и подвижной особой лет шестнадцати с острым носиком и небольшими, близко посаженными, карими глазами. Наедине Павлову с ней поговорить не удалось, поскольку дома оказался её отец Григорий Пантелеймонович Молчанов. С виду этот коренастый бородач был угрюмым, и Павлов тотчас подумал, что фамилия ему очень к лицу.

Григорий Пантелеймонович предложил Илье раздеться и пригласил в горницу.

– Что же такое? – мрачно заявил он, посмотрев на дочь, – Теперь девиц нельзя на улицу выпускать. Что за подлец сотворил такое с Верой? Куда смотрит полиция?

– Мы обязательно поймем его, не сомневайтесь, – бодро заявил Илья, видя, что его слова не нашли никакого отклика и совсем не успокоили отца Лизы. – Но сейчас я бы хотел расспросить Вашу дочь о Вере Александровне.

– А что расспрашивать? – удивился Молчанов. – Вера хорошая девушка была. Вон, Лизе помогала с грамотой. Кто только мог такое с ней учинить?! Изверг какой-то!

– Послушайте, Григорий Пантелеймонович, позвольте, я всё же задам несколько вопросов.

– Да задавайте, если это поможет – ответил Молчанов, опускаясь на стул и жестом приглашая Павлова присесть рядом.

Лиза с любопытством смотрела на агента сыскной полиции, – похоже, смерть подруги и по совместительству учительницы её несколько не взволновала.

– Скажите, Елизавета Григорьевна, Вера Александровна была Вашей подругой? Как часто Вы с ней виделись?

– Часто, – ответила Лиза, – но мы не были близкими подругами, она постарше будет, то есть, была.

– Вера Александровна с Вами не откровенничала? – спросил Илья. – Может, был у Вашей подруги жених или ухажер?

– Ухаже-е-р? – протянула Лиза и посмотрела на отца. – Что-то не припомню такого.

– Вам Вера Александровна ничего не говорила?

– Я уже сказала, что она мне ничего не рассказывала о себе.

– А что же Вы делали, когда встречались?

– Она меня учила, – ответила девушка, – ещё мы обсуждали разные книги, поэтов. Вера очень поэзию любит. Господи, любила. Даже сама сочинять стишки пробовала.

– Ага, значит, что-то она Вам рассказывала? – обрадовался Павлов.

– Немного.

– Если Вы не знаете, был ли у неё жених, может, она рассказывала про своих друзей, про работу?

– Не-а, – ответила Лиза, снова посмотрев на отца.

На этот раз Павлов перехватил взгляд и подумал, что, возможно, без отца девушка была бы более откровенна. Но не мог же он выгнать хозяина из собственной комнаты, чтобы остаться наедине с его дочерью. Наверное, Блохин бы что-то придумал.

– То есть ничего необычного, что могло бы относиться к смерти Веры Александровны Вы мне сообщить не можете?

– Нет, ничего такого не припомню, – покачала головой Лиза.

– Ну, что же, мне пора, – вздохнул агент и начал одеваться.

Внезапно его внимание привлёк полушубок, висевший у входа. Илья приподнял рукав и спросил:

– А это чей?

– А что? – спросил хозяин.

– На рукаве кровь.

Молчанов подошёл ближе, взял рукав и осмотрел его.

– Это мой. Не заметил, как испачкал. У меня мясная лавка, вляпался как-то. Если нужно будет хорошей говядины, господин полицейский... – сменил тему Григорий Пантелеймонович.

– Нет, спасибо, я закончил. Позвольте откланяться, – прервал предложение хозяина агент. – Скажите, а Вы где были вчера вечером?

– Я? Где, где... В лавке! Вы, что же, меня подозреваете в этой мерзости? – взбеленился мясник.

– Нет, но...

– Раз нет, милости прошу, – хозяин демонстративно распахнул дверь перед агентом.

Павлов вышел на улицу, и дверь громко захлопнулась за его спиной. Неприятно. Конечно, вряд ли это мясник: его объяснение звучало достаточно убедительным. Он вполне мог испачкаться кровью в лавке. Тем более Вера Александровна обучала его дочь. А вот дочь что-то знает, но при отце решила не говорить. Может быть, это не имеет отношения к делу, но Павлов отметил, что, возможно, с Лизой стоит поговорить наедине.

Сыскной агент прошелся по оставшимся домам. Большинство оказались закрыты, а там, где ему удалось переговорить с хозяевами, он не узнал ничего, на его взгляд, интересного. В итоге Павлов вышел на Ходынское поле и задумался, что делать дальше.

Внезапно, он решил, что ему следует снова осмотреть место убийства. Павлов, сосредоточенно размышляя, что именно он будет докладывать начальству, и не обращая внимания на великолепный замок, вернулся в парк. Ничего нового он не обнаружил, только застыл на минуту, рассматри-

вая темные пятна крови на снегу. Агент будто наяву представил себе ужас жертвы в тот момент, когда она поняла, что уже не убежать, и придется умереть прямо сейчас и прямо здесь потому, что некто решил это за неё. Затем Павлов стряхнул мимолетное оцепенение и пошел на конечную остановку конки. Тратить деньги на извозчика, как делал его наставник, он пока не имел права.

Когда Трегубов услышал, что он арестован, его захлестнула волна быстро сменяющих друг друга эмоций: удивление, сомнение, отчаяние и, наконец, неприятие. Мужчины подошли вплотную, не спуская глаз с Трегубова. Они были напряжены, словно опасаясь, что молодой следователь может кинуться на них с кулаками или же просто убежать.

– Не делайте глупостей, господин Трегубов! – приказным тоном заявил один из них.

Иван перевел взгляд, на подъехавший закрытый экипаж. Один из мужчин положил руку на его плечо, второй открыл дверь экипажа.

– Но кто Вы такие? Что происходит? – Трегубов наконец справился со своими эмоциями.

– Это Вам скажут на допросе, – ответил, открывший дверь, агент, доставая из кармана бумагу и показывая её Трегубову.

– Полиция? Какой, к чёрту, допрос?! – обескураженно спросил Трегубов. – Почему?

– Залезайте! Я же Вам уже сказал, что... – раздраженно начал полицейский, но его отвлекло внезапное появление ещё одного экипажа.

Небольшая открытая пролётка быстро вылетела из-за угла соседней улицы и остановилась напротив дома Трегубова,

перекрыв дорогу полицейскому экипажу.

Агент переключил своё внимание с арестанта на извозчика пролётки:

– Эй, куда прёшь, скотина! Убирайся с дороги!

Из остановившейся пролётки, придерживая саблю, вылез жандармский офицер в шинели.

– Ротмистр Смирнов! – вырвалось у Трегубова. – Так это Вы меня арестовали?

– Не ротмистр, а подполковник, – иронично улыбнулся Смирнов, – на секунду эта улыбка раздвинула его густые, светлые усы. – Обижаете, Иван Иванович. Когда это я Вам зла желал?

Ротмистр Смирнов, а ныне уже подполковник, был давним знакомым Ивана Трегубова, с которым он, скажем прямо, не по своей собственной воле работал над парой дел. Следователь был удивлен появлению жандарма, которого не видел с ещё с прошлой осени, и, признаться, уже стал забывать о его существовании, то есть, вспоминал всё реже и реже.

Два агента, увидев перед собой офицера в высоком звании, который был знаком с арестованным, тоже на некоторое время растерялись. Затем один из них взял себя в руки, и, четко проговаривая слова, заявил:

– Господа, вынужден прервать Вашу беседу. Господин подполковник, следователь Иван Иванович Трегубов арестован и ему запрещено говорить с кем бы то ни было.

– Ах, оставьте такой тон. Я забираю господина Трегубова, а вы можете быть свободны.

Агенты переглянулись, а их арестант был совсем сбит с толку происходящим.

– Мы не можем Вам отдать арестованного, – сказал один из них, для уверенности беря Трегубова под руку, – у нас приказ.

– У вас приказ, значит? А Вы думаете я просто так приехал? Побеседовать тут с вами о погоде? – повернулся жандарм к агентам.

– Жандармы нам не указ, – пытаюсь имитировать уверенность в голосе, ответил агент, ещё крепче сжимая локоть Трегубова.

– У меня тоже есть приказ -доставить его к нашему общему начальству, – серьезно сказал подполковник. – И сделать это нужно быстро.

– Это к кому же? – спросил агент, не отпуская Ивана.

– К Николаю Ивановичу, – шмыгнул носом жандарм.

– Кто такой Николай Иванович? – подал голос второй агент.

– Вы, что же, не знаете нового директора департамента полиции Петрова Николая Ивановича? – усы Смирнова снова разошлись в ироничной улыбке.

Агенты переглянулись, в их глазах была растерянность и легкий испуг. Они получили приказ от непосредственного начальства арестовать Трегубова, но они не могли отказать

посланнику главы всей полиции Российской империи. Поняв друг друга без слов, полицейские решили подчиниться. Агент разжал руку, отпустив Трегубова.

– Если будет нужно, мы вернемся, – сказал, обращаясь к Ивану, агент.

Потом оба залезли в экипаж и уехали. Трегубов стоял молча, наблюдая за их отъездом.

– Иван Иванович, не стойте как столб на холоде, а то простудитесь, как я, – снова шмыгнул носом Смирнов. – Залезайте, залезайте, негоже заставлять Николая Ивановича ждать.

Трегубов с тревогой посмотрел на покрасневший нос жандарма и, не говоря ни слова, залез в пролётку. Когда они уже тронулись, он спросил подполковника:

– Не скажете мне, что происходит?

– Не имею возможности знать, – ответил Смирнов, – Николай Иванович приказали Вас к нему доставить, предупредив о планах Вашего ареста.

– Но по какой причине?

– По какой причине арест? – переспросил жандарм.

– Именно.

– Тоже не имею информации, но не удивлюсь, что тут замешан Ваш давний знакомец Стрельцов.

Тайный советник Александр Николаевич Стрельцов, занимавшийся иностранцами и шпионами в департаменте полиции, ещё со времен ныне ликвидированного третьего

управления, был отцом погибшего друга Трегубова, Алексея Стрельцова. Иван Трегубов и Алексей Стрельцов вместе учились в Санкт-Петербурге, а затем продолжали дружить. Более года назад Стрельцов-старший вёл внутриведомственную борьбу с жандармским корпусом, которым в то время как раз руководил Николай Иванович Петров, месяц назад возглавивший весь полицейский департамент страны. После убийства сына Стрельцов-старший пытался обвинить в причастности жандармов, для чего привлек к расследованию Ивана Трегубова. Но последний отказался идти на сделку с совестью и возлагать на жандармерию незаслуженное обвинение, за что заслужил уважение Петрова и ненависть отца своего покойного друга.

– А каким судьбами господин директор в Москве? – задал вопрос Иван.

– Планируется приезд наследника престола: нужно обеспечить охрану всех мест, где он может остановиться. Сами знаете, какая сейчас обстановка, а Николай Иванович только заступили на пост, вот и есть желание всё самому контролировать. Только это секретная информация, – беспечно закончил Смирнов, бросив взгляд на Трегубова.

– Вас понял, – ответил тот.

Николай Иванович совсем поседел с последней встречи с Трегубовым. Под его глазами набухли мешки, а лицо выглядело уставшим. А ведь прошло всего чуть больше месяца с момента вступления его в должность. В бытность жандарм-

ским генералом Петров выглядел куда как живее.

– Садитесь, господа, – устало сказал хозяин кабинета, откладывая в сторону стопку бумаг, мешавших ему на столе, – да-да, и Вы, подполковник, останьтесь тоже.

Трегубов и Смирнов придвинули стулья ближе к столу и аккуратно присели, с вниманием глядя на директора полиции, который взял некоторую паузу.

– Вы знаете почему Вы здесь, господин Трегубов? – спросил, наконец, Петров.

– Нет, знаю только, что меня хотели арестовать неизвестно за что.

– Почему же – неизвестно? Мне известно, – сказал Николай Иванович. – Правда, скажу, известно стало случайно, – Семякин упомянул в разговоре. Да, Григорий Константинович сейчас в Москве. На Егорьевской фабрике Хлудовых готовится стачка и забастовка, а это и его епархия тоже, скажем так.

– Эти Хлудовы сами виноваты, – неожиданно прервал Петрова Смирнов, – тоже мне, хлопковые короли! Выжимают всё до копейки из рабочих своих фабрик, а нам потом разгребай. Говорят, то ли жандармов, то ли роту солдат хотят на Егорьевскую фабрику отправить. Так и до крови, не дай бог, дойдёт.

– Мы служим не Хлудовым, подполковник, – возразил Николай Иванович, – а императору и России, и не должны допускать беспорядков. Так вот, позвольте мне продолжить.

Господин Семякин и говорит, мол, из столицы его просили произвести арест судебного следователя в Москве по обвинению в шпионаже.

– В шпионаже?! – вырвалось у Трегубова.

– Да, в шпионаже. Я и спросил, что за следователь такой. Он отвечает, какой-то Трегубов. Спрашиваю: кто просил арестовать. Говорит, что тайный советник Стрельцов, – рассказал Петров, глядя прямо в глаза Трегубова.

– Но почему за шпионаж? – снова спросил Трегубов, подумав, что подполковник Смирнов оказался прав в своем предположении.

– Вам знаком такой господин Канарейкин?

– Николай? – растерялся Иван. – Да, знаком.

– Я знаю, что знаком, – Петров порылся на столе среди бумаг и нашел нужную. – Это Вы с неким приставом Столбовым завербовали Канарейкина как агента, будучи на службе в тульской полиции?

На Трегубова нахлынули воспоминания. Три друга со времен тульской гимназии: он, Михаил Торотынский, уехавший потом в Америку, и сын тульского купца Николай Канарейкин. Неразлучная троица. Когда Николай уехал учиться в московский университет, то набрался там вольнодумства и вступил в общество народовольцев, планирующих теракт. Михаилу и Ивану удалось отговорить друга от участия в теракте, но жандармы уже знали, что Николай состоял в кружке народовольцев. Тогда, чтобы спасти друга, Иван угово-

рил своего наставника помочь Канарейкину, и они оформили Николая как агента, который по заданию тульской полиции проник в группу террористов.

– Да, так и было, – согласился Трегубов, – но при чем здесь шпионаж?

– Господин Канарейкин арестован за кражу секретного документа государственной важности. Уже звонил сам министр финансов Сергей Юльевич Витте, и мне послышалась в его голосе лёгкая паника, хотя он не тот человек, чтобы ей поддаваться. Это необычно. Он просил бросить все ресурсы и найти документ в ближайшие дни, иначе ему придётся доложить императору. Видите, молодой человек, в какую ситуацию Вы попали с Вашим бывшим агентом? Вы же с ним, судя по донесению Стрельцова, встречались несколько раз уже в Москве.

– Да, но этого не может быть! Николай – купец, сын купца, и вообще абсолютно безвредный человек. Он не мог стать шпионом, – ответил Иван.

– Любого человека, даже очень хорошего, можно использовать, если найти его слабые места. Вы должны уже хорошо это знать господин следователь. Вы сейчас здесь у меня, а не на допросе, только потому, что я уважаю Вашу честность в деле с убийством сына Стрельцова и ценю Вашу помощь в деле с убийством священника. Меня сам владыка поблагодарил за его раскрытие. Вы хорошо постарались тогда.

– Просто отлично постарался, – не удержался сыронизи-

ровать жандарм, – полдеревни на каторгу отправил.

Петров строго посмотрел на подполковника, тот поперхнулся и замолчал.

– Поэтому я хочу Вам предоставить возможность, – продолжил Николай Иванович, – самому разобраться в ситуации.

– Каким образом? – спросил Иван.

– Будете следователем по делу.

Иван был ошарашен. А у сидящего по соседству Смирнова аж глаза полезли на лоб от удивления.

– Спасибо, Николай Иванович... – начал Трегубов.

– Не благодарите. Даю Вам максимум неделю, мне нужен документ, вы должны его найти. Кроме того, Вы лучше всех знаете этого Канарейкина. Насколько я в курсе: он ещё не сознался, – сказал Петров тоном, от которого молодой следователь внутренне содрогнулся. – Вам будет помогать подполковник и докладывать мне, как идёт расследование. Вы будете работать параллельно с людьми Семякина и Стрельцова. Меня просили бросить все ресурсы. Да, и ещё: если этот Канарейкин, Ваш друг, замешан в похищении, я надеюсь на Вашу непредвзятость. Есть вопросы?

– Да, – сказал Трегубов, – а если за неделю мы не найдем документ?

– Следствие продолжит Стрельцов, со всеми вытекающими последствиями, – многозначительно ответил директор департамента полиции.

– У меня есть вопрос, – вмешался Смирнов. – Участие в следствии бывшего подозреваемого уже странно выглядит. Вы же знаете, что это отметят Ваши недоброжелатели, а ещё и вести такое следствие Трегубову просто не по рангу.

– Ничего страшного, сделаем его следователем по особо важным делам, – ответил Петров.

– На одно дело? – с сомнением спросил жандарм.

– Тогда дайте ему ещё дело, чтобы это не выглядело откровенной протекцией для Стрельцова и Семякина, – раздраженно заметил Николай Иванович. – Что там сейчас у нас есть?

– Узнаю и подберу, – согласился Смирнов. – Хотя... – тут же добавил он, – недавнее убийство рядом с Путевым дворцом. Это же как раз одно из мест, охрану которого нам необходимо усилить. Может быть, сначала назначим его туда, а затем уже пусть займется главной проблемой?

– Я согласен. Идите. Все подробности у Григория Константиновича – генерал склонился над бумагами.

Трегубов и Смирнов встали и пошли к выходу. Но Иван остановился и повернулся к Петрову.

– Ещё один вопрос, Николай Иванович, это важно. Чтобы найти документ, нужно знать, что это за документ.

Петров поднял глаза от стола и посмотрел на следователя. Он раздумывал недолго – резон в просьбе Трегубова был очевиден.

– Проект франко-русского союза – договора между Фран-

цией и Россией по финансам и... и военному союзу против Германии и Австрии.

Библиотека-читальня имени Тургенева расположилась в конце Сретенского бульвара. Это была первая бесплатная библиотека, средства на строительство которой выделила Варвара Алексеевна Морозова, урожденная Хлудова. Она родилась в богатой семье, и в шестнадцать лет была выдана замуж за владельца Тверской мануфактуры – Абрама Абрамовича Морозова. Почетная гражданка Москвы Варвара Алексеевна сама управляла мануфактурой после смерти мужа, а также занималась благотворительностью. Открыла литературный салон, который посещали поэты, в том числе Александр Блок, построила библиотеку и делала пожертвования университету, за что получила медаль.

Илья Петрович Павлов подошел к одноэтажному зданию библиотеки. Справа и слева от двухстворчатой двери входа располагались огромные окна, разделенные на равные сегменты,, очевидно, чтобы внутрь проникало больше света. Над козырьком и под барельефом герба города разместилось название библиотеки. Но не это привлекло внимание агента сыскной полиции. Справа от библиотеки на двухэтажном здании располагалась вывеска «Пивная лавка Дворянчикова, продажа навывнос». Павлов вспомнил свое прошлое задание, его желудок непроизвольно сжался, и агент икнул. Он оценил расположение пивной рядом с библиотекой. «Каждому

своей», – подумал молодой человек, мысленно процитировав философов античной древности Платона и Цицерона, затем перевел взгляд с пивной на библиотеку и вошёл в нее.

Заведующая библиотекой Екатерина Владимировна Алексеева была ещё не старая женщина. Её полное тело прикрывало строгое, но несколько бесформенное платье, призванное скрыть недостатки фигуры. Волосы Екатерины Владимировны уже начали седеть, а на лбу залегли две глубокие морщины. Серые глаза озабоченно смотрели на агента полиции.

– Господи, какой ужас Вы рассказываете! Бедная Верочка! Такая девочка, совсем молоденькая и скромная...

– Как давно она у Вас работала? – спросил Павлов.

– Да не так уж и давно, – ответила заведующая библиотекой, – я бы даже сказала, что недавно. Вот вчера первую зарплату получила...

– То есть у неё были с собой деньги? – сразу оживился полицейский, внутренне довольный тем, что нашел возможный мотив преступления. – Сколько?

– Двадцать рублей.

«Это действительно может быть причиной» – подумал про себя Павлов, а вслух спросил:

– Кто знал, что она уйдет из библиотеки с деньгами?

– Все, кто здесь работает. Так что же, Вы думаете, что её убили из-за этих денег? – ужаснулась заведующая, непроизвольно поднесла руку ко рту, словно пытаясь остановить со-

рвавшееся с языка предположение.

– Убивают и за меньшее, – заметил Илья, пытаясь выглядеть в глазах заведующей бывалым агентом. – Скажите, Екатерина Владимировна, какой была Погребова? С кем общалась?

– Девушка была, хорошая, грамотная, работающая. С кем общалась? Со всеми.

– Она с кем-нибудь подружилась здесь? Откровенничала?

– Не думаю. Нет.

– А был ли у неё жених или ухажер? – спросил Павлов, краем глаза уловив, что стоявший поодаль очень худой молодой человек, с выступающим кадыком на длинной шее и неряшливой шевелюрой над крючковатым носом, пытается вытянуть шею ещё больше, чтобы услышать их разговор.

– Я не знаю, – ответила заведующая библиотекой. – Мы проработали вместе совсем мало, и она не делилась со мной подробностями своей личной жизни.

– А это кто? – спросил агент, кивнув в сторону любопытного парня.

– Степан Лазутов, наш сторож. Библиотека скоро закроется.

– Степан, – громко позвал Павлов, – подойдите сюда, пожалуйста.

– Я? – сторож на всякий случай осмотрелся вокруг, будто бы здесь было несколько Степанов.

– Да, Вы. – подтвердил агент и спросил его в лоб, – Вам

так интересен наш разговор?

– Я... нет, да... то есть, да, – пробормотал подошедший Степан. – Я услышал, что что-то приключилось с Верой Александровной, вот и хотел узнать, что именно.

– Она мертва, убита.

– Боже мой, – побледнел парень. – Но как же так, кто же это сделал?

– Мы пока не знаем, но обязательно найдем убийцу, – Илья многозначительно посмотрел на сторожа. – Что Вы можете сказать о погибшей? Вы её хорошо знали?

– Не очень, также как всех.

– А был ли у неё молодой человек? Она же была красивая девушка, не так ли?

– Да. То есть, красивая, но я не знаю, был ли у неё кто-то.

– Её никто не встречал по вечерам?

– Я не видел, – покачал головой Степан. – А Вы считаете, это мог сделать её ухажер?

– Мы проверяем все возможности, – важно ответил Павлов. – Вам есть что ещё сообщить?

Сторож и заведующая переглянулись, и Екатерина Владимировна ответила за двоих:

– Нет.

Когда Павлов закончил допросы всех немногочисленных сотрудников библиотеки, на улице смеркалось. Он отправился на конке в Замоскворечье, куда переехал, поступив на службу в полицию. Квартиру он нашёл в том же доме, где

жил Блохин. Хотя вернее будет сказать, что это его наставник и начальник предложил вариант в доме, где жил сам. Поэтому прежде, чем отправиться в свою микроскопическую квартиру, состоящую из одной комнаты во втором этаже, Илья решил провести Блохина, в квартире которого царил холостяцкий беспорядок.

Старший агент открыл дверь, повернулся и, ковыляя, дошел до кровати, на которую тут же плюхнулся задом. Сломанную ногу в гипсовой лангете положил на стоявший рядом деревянный стул.

– Свезили меня в первоградскую больницу, – пояснил Блохин, глядя на гипс, – сказали: шесть недель покоя, наступать нельзя. Что за напасть? Столько дел, а тут это!

– Ничего, зато отдохнёте. Напишите список, я завтра схожу за продуктами, – сказал Павлов.

– Ты лучше с утра узнай кого назначили следователем, я то не смогу. Рассказывай, что узнал.

Павлов начал рассказывать, стараясь не упускать деталей и тщательно подбирая слова, всё-таки первое настоящее дело, – ему не хотелось попасть впросак перед опытным агентом. Илья начал своё повествование с домов и дач рядом с Петровским парком, особенно выделив посещение дома Молчановых.

– С Лизой этой, дочкой мясника, нужно ещё раз поговорить. Ты прав, она может что-то знать, – задумчиво давал советы Блохин. – Подкарауль её одну на улице и надави. На

отца тоже надо было надавить. Эх, меня не было! Убийство – это серьезное преступление, и нечего было цацкаться с ним. Сходи в лавку, допроси тех, кто там работает у него, узнай, откуда кровь. Не разделявает же он мясо в шубе! Запачкать, конечно, мог. Но узнай подробности. С подозрения пока его не снимай.

– У него сын в лавке и он, вдвоем они.

Сын – это плохо, договорятся. Уже договорились, если это Молчанов.

– Непохож он на убийцу: благопристойный такой, семья, – вставил Павлов.

– Ты что же думаешь, у убийцы на лбу написано: «Вот он, мол, я – душегуб»?

– Но какой мотив может быть у Молчанова? Они же соседи, Вера Александровна его дочку учила...

– Это тебе и надо выяснить, – заявил Блохин. – А ну как он соблазнил Погребову, а потом и убил, чтобы концы в воду, и никто не узнал? Что в библиотеке?

Илья вздохнул и начал рассказывать. Старший агент внимательно выслушал его и спросил:

– Значит, сторож глаз положил на девушку?

– Я разве так сказал? – удивился Павлов.

– Конечно, сказал, он же ей интересовался, подслушивал, отметил, что красивая. А потом, дескать, ничего не знает про неё. Что-то должен знать, раз интересуется. Возьми его адрес и наведи дома, посмотри, как живёт, припугни. Может, что

и скажет.

– Хорошо, – согласился молодой сыщик, подумав о том, что ему ещё учиться и учиться.

В Сенатском дворце Кремля, представлявшем собой здание, построенное в виде угла с цилиндрическим центром и куполом, увенчанном статуей Георгия Победоносца, сегодня царила суматоха. Стоит отметить, что для здания, где располагались Окружной суд Москвы, Судебная палата и ещё несколько учреждений, всегда была присуща некоторая суетливость, как среди чиновников, так и посетителей, в силу самого характера подобных заведений. Однако сегодня был особенный день. Весть о смерти Николая Александровича Алексеева, городского головы, раненого накануне психически больным пациентом по фамилии Андрианов, уже разлетелась по всей Москве и перестала быть новостью. Главной же темой обсуждения московской бюрократии, да и простых москвичей, стала кандидатура нового главы города. Спекуляции на эту тему доходили до самых экстравагантных, а порой уж и совсем абсурдных персон, коих и не стоит упоминать. При этом, знающие люди, более близкие к коридорам московских властей, называли только две фамилии, как наиболее вероятные: Ушакова Сергея Николаевича и Рукавишникову Константина Васильевича, женатого на двоюродной сестре известного мецената Саввы Ивановича Мамонтова. Оба были известными в Москве купцами. Но, безусловно, всё должно было решиться на предстоящих выборах.

Судебный следователь Иван Иванович Трегубов тоже в этот день находился в Сенатском дворце, поскольку обустривал своё новое служебное помещение. Как следователя по особо важным делам, его перевели сюда из съёмного помещения, где он работал ранее. Слух о новом назначении Трегубова разлетелся по зданию не менее быстро, чем слух о смерти городского главы по Москве. Иван Иванович уже успел встретиться в коридоре с Николаем Васильевичем Сахаровым, опытным и известным по многим громким делам следователем, с которым Трегубов с некоторых пор был на дружеской ноге.

– Смотрите, будьте осторожны, – предупредил Сахаров Трегубова, – внезапное повышение может вызвать зависть окружающих, а завистников среди наших коллег немало, как Вы понимаете.

Иван Трегубов понимал это очень хорошо, поскольку уже не первый год был на службе. Достаточно было вспомнить, как этим утром его окинул оценивающим взглядом Григорий Константинович Семякин, когда Трегубова представил Смирнов. Их встреча была очень короткой, Семякин куда-то торопился. Вместе с ним был юный господин с усами и запоминающимся острым взглядом карих глаз, который представился как Евгений Филиппович. «Наверное, агент», – предположил потом подполковник Смирнов. Семякин сказал, что он не занимается делом Канарейкина. Просто помог Стрельцову, который, возможно, уже приехал в Москву

из Петербурга. Пропажа документа произошла в доме князя Бронского. Там сейчас полиция, которая никого не выпускает из дома, ввиду того, что пропавший документ ещё не найден. Командует на месте некий Алексей Алексеевич Коваль, все подробности у него. Со слов Ковалья, вина Канарейкина не вызывает сомнения, ведётся дознание. Смирнов и Трегубов договорись, что поедут в дом Бронского во второй половине дня, когда будут подписаны все бумаги относительно назначения Трегубова. А пока суть да дело, Иван занимался обустройством небольшой комнаты, которую ему выделили под кабинет. Раскладывая вещи и бумаги, он размышлял об исчезнувших документах и Николае Канарейкине. Пове- рить в вину своего однокашника по гимназии было слишком сложно. С какой стати, скажите, Николаю красть документ?! С другой стороны, Трегубов хорошо понимал, что пропав- шие бумаги были очень важными. Если они попадут не в те руки, Германия, зная намерения Франции и России, может попытаться разрушить их союз. Возможно, франко-русский союз будет событием, которое определит политику России в двадцатом веке. Если Трегубов раскроет это дело и найдет документы, он станет в каком-то смысле спасителем страны, и кто знает, может быть его наградят и начнут давать более серьезные и ответственные поручения. Он представил, как получает орден из рук самого императора. Мечты о великих свершениях продолжали основательно занимать голову Тре- губова, когда в дверь осторожно постучали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.